Японские винтовки на русском фронте во время первой мировой войны (1914–1917 гг.) : малоизвестные страницы двустороннего сотрудничества

Э. А. Барышев

Во время первой мировой войны Россия в огромных размерах производила закупки оружия, боеприпасов, медикаментов, металлов, пороха и других стратегических материалов за рубежом. В силу географической близости и наличия Сибирского железнодорожного пути одним из главных поставщиков товаров военного назначения стала Япония, волею случая оказалось в этом конфликте на стороне стран Антанты. Закупки и заказы на японском рынке осуществлялись военным и военно-морским ведомствами, министерством финансов, Главным управлением землеустройства и земледелия (с ноября 1915 г. министерством), российским обществом Красного Креста, различными частными компаниями. Разумеется, что военное министерство в лице Главных управлений – Артиллерийского, Интендантского, Военно-Технического и Военно-Санитарного – являлось основным заказчиком военных товаров (военной продукции) в Японии. Приобретением оружия и боеприпасов для русской армии заведовало Главное артиллерийское управление.

Вопросами, касающимися роли заграничного рынка в снабжении русской армии во время первой мировой войны, в первой половине XX в. занимались такие видные представители Главного артиллерийского управления (ГАУ), как А. А. Маниковский, В. С. Михайлов, П. В. Миронов, А. П. Залюбовский, Е. З. Барсуков, В. Г. Федоров. Они сумели обобщить ценнейшие документы и материалы российского военного ведомства, проанализировали процесс организации закупочного дела за рубежом, показали положительные и отрицательные стороны излишней зависимости царской России от «заграницы». Главным выводом русских военных специалистов, ясно осознававших пагубность зависимого состояния русской армии от внешних источников военных поставок, было признание необходимости развития отечественной военной промышленности. Можно сказать, что их выводы, выстраданные за время Великой войны, стали залогом промышленного развития СССР во время первых пятилеток и победы советского народа в Великой отечественной войне. Таким образом, указанные выше исследования имели предельно прагматическую направленность: России необходимо

было сделать выводы из опыта первой мировой войны, чтобы избежать повторения подобных проблем в будущем[1].

Вместе с тем, указанные выше представители русской армии не имели возможности и времени заниматься теоретическим изучением вопроса военных заказов в каждой из стран мира в отдельности. Их основное внимание было сосредоточено на подсчете абсолютных показателей «помощи» заграничных стран за весь период первой мировой войны. В частности, генерал Маниковский в своем сочинении от 1920 г. оценил общий объем «союзнических» поставок винтовок в 1 млн. 803 тыс. стволов, указав, что из них 635 тыс. было поставлено из Японии, а 128 тыс. японских винтовок поступило в Россию из Англии. В отечественной историографии эти данные использовались в последующем как базисные[2]. Однако в японских официальных документах утверждается, что за время войны через японское военное ведомство в Россию было поставлено 821,4 тыс. винтовок[3]. Как объяснить существующее расхождение? Чьи же данные следует признать верными? В данной статье автор пытается последовательно и, по возможности, детально рассмотреть известные сделки российского правительства с японскими поставщиками относительно покупки винтовок, раскрыть их характер и содержание, обращая первостепенное внимание на мотивы и обстоятельства оказания японской военной помощи России во время первой мировой войны.

* * *

---

[1] *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг., ч. I–II. М.: Военно-историческая комиссия; Комиссия по исследованию и использованию опыта мировой и гражданской войн, 1920–1922; *В. С. Михайлов* (1875–1929): Документы к биографии. Очерки по истории военной промышленности (первое изд. вышло в 1929 г.). М., РОССПЭН, 2007, с. 424.; *Миронов П. В.* Боевое снаряжение Русской армии в войну 1914–1918 гг. и роль участия в нем заграничного рынка (исследование 1932–1933 гг.) – ГАРФ. Ф. Р-6173, оп. 1, д. 26. Рукопись (машинописная копия) книги, с. 261; *Залюбовский А. П.* Снабжение Русской армии в Великую войну винтовками, пулеметами, револьверами и патронами к ним. Белград: Издание Центрального правления Общества русских офицеров-артиллеристов за рубежом, 1936. 127 с.; *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. Издание 3-е, переработанное и дополненное Е. З. Барсуковым для «Библиотеки командира». М., ГВИЗ, 1937. 693 с.; *Барсуков Е. З.* Русская артиллерия в мировую войну, т. I–II. М., Воениздат НО СССР, 1938– 1940; *Федоров В. Г.* Оружейное дело на грани двух эпох (Работы оружейника, 1900–1935), ч. II. Оружейное дело в первую империалистическую войну. Издание Артиллерийской ордена Ленина академия РККА им. Дзержинского, М., 1939, с. 131; *Барсуков Е. З.* Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.), в 4-х томах. Воениздат МВС СССР, М., 1948–1949; Федоров В. Г. В поисках оружия. М., Воениздат, 1964, с. 216.

[2] *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг., ч. I. М., Военно-историческая комиссия, 1920, с. 83–84; *Барсуков Е. З.* Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.), т, 1, с. 359; Там же, т. 2, с. 288, 299, 314.

[3] *Сакамото Масако*. Дзайбацу то тэйкокусюги: Мицуи буссан то тюгоку (Финансовая олигархия и империализм: Мицуи Буссан и Китай), Токио, Минэрува-сёбо, 2003, с. 163.

Начиная с первых дней Европейского конфликта дипломатические, военные и торговые представители Японии стали настойчиво предлагать российской стороне всемерную поддержку в деле снабжения российской армии и предложили отправить в Токио соответствующих представителей военного ведомства. За этим движением стояли такие ведущие внешнеторговые компании Японии, как «Мицуи Буссан», «Окура» и «Таката», объединенные в проправительственный синдикат «Тайхэй кумиай», монопольно осуществлявший продажу оружия за рубеж. Особенно бросалась в глаза деятельность «Мицуи Буссан», которая была серьезно обеспокоена приостановкой учета векселей на лондонском рынке и разыскивала новые источники финансовых поступлений. Положив глаз на российское золото в Лондоне, компания уже в первые дни августа обратилась по своим дипломатическим и военным каналам с предложением поставки различного рода оружия и боеприпасов. Эта инициатива целиком принадлежала торгово-промышленным кругам и связанным с ними представителями правящего класса Японии, однако руководство компании пыталось искусно создать у российского правительства впечатление, что на оказание помощи России готово правительство Японии. Не удивительно, что в этих условиях российское военное ведомство сразу же ухватилось за японские предложения о помощи. По инициативе ГАУ было «высочайше повелено командировать в Японию и Америку» специальную техническую комиссию «для покупки необходимых артиллерийскому ведомству изделий и материалов». 25 августа (здесь и далее все даты указаны по новому стилю) из Санкт-Петербурга (столица была переименована в Петроград 31 августа) в Японию отправилась особая военно-техническая комиссия во главе с заведующим артиллерийскими приемками генерал-майором Эдуардом Карловичем Гермониусом (1864–1938 гг.), уполномоченным вести переговоры о покупке оружия и боеприпасов с фирмой «Мицуи Буссан». Перед генералом Гермониусом была поставлена задача приобрести в числе прочего «до миллиона винтовок, состоящего на вооружении японской армии образца с патронами по тысяче на каждую винтовку»[4].

10 сентября российская военно-техническая миссия прибыла в Токио, где ее представители сразу же приступили к переговорам с руководством компании «Мицуи Буссан» и военным министерством Японии по вопросу военных заказов. Уже в первые дни своего пребывания в

[4] РГВИА. Ф. 2000 (Главное управление Генерального штаба – далее ГУГШ), оп. 1, д. № 4060, л. 15, 15 об., 24–25; Хомпо ни ойтэ каккоку но хэйки гундзюхин тётацу канкэй иккэн (О закупках в Японии различными державами оружия и боеприпасов). – Нихон гайко бунсё (Японские дипломатические документы – далее НГБ), Токио, 1914 г., т. III,. – МИД Японии, 1966, с. 680. Подробно о японской миссии Гермониуса см.: *Baryshev Eduard,* The General Hermonius Mission to Japan (August 1914 – March 1915) and the Issue of Armaments Supply in Russo-Japanese Relations during the First World War. – Acta Slavica Iaponica (Journal of Slavic Research Center, Hokkaido University), June 2011, vol. 30.

Токио российские военные получили от японской компании предложение приобрести 20 тыс. 350 винтовок и 15 тыс. 50 карабинов, изготовленных по заказу Мексики под маузеровский патрон в 7 мл. Цена одной винтовки со штыком и кожаным ремнем была достаточно низкой, менее 30 иен, в то время как изготовленная на российских заводах «трехлинейка» в мирное время стоила от 37 до 45 рублей. Вместе с винтовками «Мицуи Буссан» предложила приобрести 23 млн. патронов[5], что составляло более 650 штук на винтовку. Винтовки и карабины были новейшей системы, но их количество было для российской стороны, запрашивающей миллион ружей, просто смехотворным, поэтому поначалу русские военные отнеслись к данному предложению без особого воодушевления. Однако положение на русском фронте было крайне тяжелым, и руководство ГАУ решило немедленно приобрести эту партию винтовок[6].

Контракт на «мексиканские» ружья был, по-видимому, подписан между 9 и 13 октября после получения генералом Гермониусом разрешения самостоятельно заключать торговые сделки в Токио. 14 октября вышло официальное распоряжение военного министерства Японии о выдаче ружей. Уже на следующий день в Йокогамском порту началась погрузка винтовок на пароход Добровольного Флота «Эриванъ», а 17 октября судно отправилось к российским берегам. «Мексиканки» должны были поступить на вооружение полков пограничной стражи в Маньчжурии с тем, чтобы отправить на фронт все имеющиеся там русские «трехлинейки»[7]. Общая сумма сделки составила 200 тыс. фунтов стерлингов, или около двух миллионов рублей. Это было первое приобретение, сделанное миссией Гермониуса в Японии. Поставщиком «мексиканских» ружей была компания «Мицуи Буссан», сумевшая неплохо заработать на этой сделке, положив на свой опустевший счет в Лондоне указанную выше сумму[8].

В то же время, оказалось, что военное ведомство смотрит на мысль о предоставлении оружия России с гораздо меньшим энтузиазмом. Оно

[5] По данным японского военного ведомства, синдикату было уступлено 11,4 млн. патронов, однако в записной книжке генерала Гермониуса указано 23 млн. шт. Автор считает, что данные Гермониуса заслуживают доверия.

[6] *Федоров В. Г.* В поисках оружия, с. 13, 36–37; его же. Оружейное дело на грани двух эпох, с. 13–14; *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937, с. 276; ГАРФ. Ф. Р-6173 (Э. К. Гермониус), оп. 1, д. 11, л. 1.

[7] Секретные телеграммы посла в Токио министру иностранных дел от 2/15 октября (№ 264) и 4/17 октября 1914 г. (№ 265). – Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. 133 (Канцелярия министра), оп. 470, д. 70; Федоров В. Г. В поисках оружия, с. 37.

[8] Г5АРФ. Ф. Р-6173, оп. 1, д. 11. Л. 1; Архив внешней политики Японии (далее – АВПЯ). 5.1.5.17-7. Хомпо ни ойтэ каккоку хэйки дзюхин сонота тётацу канкэй дзаккэн: Рококу но бу (О закупках в Японии различными державами оружия, боеприпасов и других товаров: Россия), т. IV, с. 1712; Мицуи буссан ситэнтё кайги гидзироку (Протоколы заседаний начальников отделов компании «Мицуи Буссан», т. 9 (1915 г.). Токио, Архив Мицуи, 2004, с. 107–108.

всячески тянуло с ответом, поэтому в первой декаде октября, когда терпению русских военных пришел конец, глава миссии Гермониус вынужден был даже заявить японской стороне, что в этой ситуации ему ничего не остается, как вернуться в Россию[9]. Этот «ультиматум», тотчас же переданный Самойловым военному министру Ока Итиносукэ (1860–1916), подействовал. Чтобы сгладить создавшуюся неловкость для представителей ГАУ вновь был устроен пышный банкет в помещении Русско-японского общества. На следующий день в резиденции военного министра в торжественной обстановке было заявлено следующее: японская сторона по низкой цене готова уступить России 200 тыс. винтовок Арисака образца 1897 г. и 20 млн. патронов из расчета 100 штук на ружье. При этом российских военных предупредили, что патроны будут старые и часть из них придется собирать даже в гарнизонах Кореи; первые 70 тыс. винтовок будут поставлены уже в октябре, а остальная часть будет передана в конце декабря.

По воспоминаниям члена русской военной миссии В. Г. Федорова (1874–1966), отвечавшего тогда за приемку ружей, «вопрос о патронах, безусловно, был наиболее важным, наиболее неблагоприятным... Было ясно, что японское военное министерство не желало ослаблять себя уменьшением запасов своих патронов, считая, вероятно, что война с Германией и окончательная победа над ней вряд ли входит в число задач, которые могли бы стоять перед Империей Восходящего Солнца. Ослабление западного соседа России вряд ли приносило непосредственные выгоды Японии; взятие же Циндао, конечно, было для японцев только вопросом времени». «Настойчивые хлопоты» российских военных привели к тому, что после долгих ожиданий японская сторона пообещала «увеличить комплект на каждую винтовку на 25 патронов», т. е. согласилась уступить России дополнительно 5 млн. патронов, однако это, по словам того же Федорова, было «равносильно отказу»[10].

Таким образом, в начале октября военное министерство Японии решилось на поставку России значительного количества оружия и боеприпасов. В инструкции заместителя военного министра Осима Кэнъити (1858–1947) военному агенту во Франции полковнику Фукухара от 28 декабря 1915 г. причины данного шага объяснялись следующим образом: «*Спустя некоторое время после начала войны к нам поступила просьба от России об уступке 300 тысяч винтовок* (если это действительно так, то нужно признать, что осенью 1914 г. японское правительство почти удовлетворило пожелания России, уступив общим числом 235 тыс. винтовок; в то же время эти данные расходятся с теми, которые отмечены в переписке российских военных – 1 млн. – *Э. Б.*). *Наших*

[9] Дайтюмон-сю: Рококу кара дзокудзоку райтё (Крупнейшие заказчики: прибывают один за одним из России). – Хоти симбун, 14.10.1914 г., № 13509, с. 7.

[10] *Федоров В. Г.* Оружейное дело на грани двух эпох, с. 15.

складских запасов не хватало для того, чтобы удовлетворить эту просьбу. В этих условиях мы пошли на то, чтобы ускорить рассчитанный на один-два года процесс перехода от винтовок 1897 г. на винтовки 1905 г., и решили уступить 200 тыс. винтовок и все имеющиеся в наличии патроны, считая выгодным для нас уступку винтовок старой модели» (здесь и далее курсив автора)[11]. Иными словами, японское военное командование решило форсированно произвести осуществление плана по модернизации японской армии, в частности, путем замены винтовок Арисака модели 1897 г. на новую модель 1905 г., массовое производство которой началось с 1910 г.

Снятые с вооружения, а значит, негодные для японской армии винтовки 1897 г. уступались российскому правительству всего по 16,85 иен за штуку (с доставкой во Владивосток) – по условиям военного времени почти даром. В то же время японскими военными было подсчитано, что производство новой винтовки обойдется примерно в такую же сумму. Уступать как старое списанное оружие, так и новое, находящееся в действующей армии оружие, японское правительство не имело права. Что касается торговли оружием через синдикат «Тайхэй кумиай», то формально он сбывал оружие, произведенное Токийским и Осакским арсеналами. В этих условиях военное министерство нашло для себя удобную лазейку: оно сдавало Токийскому арсеналу старые винтовки якобы для исправления, арсенал, в свою очередь, «после исправления» уступал их России, а новые – таким же числом – передавал на вооружение японской армии. В то же время синдикат «Тайхэй кумиай» платил деньги якобы за произведенные арсеналом винтовки, а фактически авансом оплачивал министерский заказ на винтовки нового образца. Таким образом, по согласию с министерством финансов удалось обойтись только внутриведомственными расчетами, без проведения этого вопроса через парламентские слушания. Кабинет министров Окума признал такой шаг уместным как с точки зрения выполнения своих «союзнических обязательств», так и в смысле усиления обороноспособности страны: армия тотчас же получала 200 тыс. новых винтовок, а финансы Японии при этом оставались совершенно нетронутыми[12].

Согласно данным записной книжки генерала Гермониуса, контракт № 3027 на получение 200 тыс. винтовок Арисака 1897 г. и 20 млн. патронов к ним был подписан 21 октября 1914 г. Согласно своему обе-

[11] *Акутагава Тэцуси.* Буки юсюцу но кэйфу: Дайитидзи сэкай тайсэн но буки юсюцу (1) (Как развивался экспорт оружия: Экспорт оружия во время первой мировой войны, ч. 1). – Гундзи сигаку (Военная история), март 1987 г., т. 22, № 4, с. 28; Архив министерства обороны Японии (далее – АМОЯ), т.3–6.39. Дзи Тайсё 3 нэн итару до 11 нэн. Каккоку-гун ни гунки кёкю ни кансуру цудзури (Подшивка материалов о поставке оружия армиям различных стран, 1914–1922 гг.), с. 282–283.

[12] *Такэтоми Токитоси.* Окума найкаку дзайсэй кайсороку (Финансовая политика кабинета Окума: Воспоминания) – *Сибутани Сакусукэ*, Такэтоми Токитоси, Токио, 1934, с. 26–33.

щанию, японская сторона уступала России сверх контракта 5 млн. винтовочных патронов, последняя, в свою очередь, должна была уплатить в течение двух месяцев со дня полной передачи заказа синдикату «Тайхэй кумиай» сумму равную 4 млн. 660 тыс. иен. К слову, для синдиката оружие стоило 3 млн. 486 тыс. иен, т. е. прибыль компании составляла почти 20% от начальной стоимости. От имени синдиката контракт был подписан его исполнительным директором Суда Нобуцугу, представлявшим в нем интересы торгового дома «Таката»[13].

К концу 1914 г. российскому военному командованию стало очевидно, что нехватка винтовок и патронов достигает катастрофических размеров. Было очевидно, что в кампанию 1915 г. русская армия столкнется с острейшей нехваткой оружия и боеприпасов. В этих условиях оставалась единственная надежда на то, что Япония как «невоюющий союзник» согласится уступить России часть своих военных резервов. 23 декабря военный министр Сухомлинов обратился к министру иностранных дел Сазонову со следующим письмом: «В настоящее время военное ведомство стоит перед трудной задачей приобретения в наикратчайший срок для запасных частей и частей государственного ополчения значительного количества винтовок. Принятые в этом отношении меры, в том числе и покупка 200 тыс. винтовок в Японии, оказались недостаточными и в настоящее время крайне необходимо неотложное приобретение еще не менее 150 тыс. винтовок. В виду изложенного, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство поручить нашему послу в Японии войти в сношение с японским правительством о продаже нам еще 150 тыс. винтовок с возможно большим количеством патронов»[14].

На следующий день содержание просьбы министра было передано Малевскому, который немедленно – совместно с генералом Самойловым – предпринял необходимые шаги в этом направлении. Однако потребности русской армии росли не по дням, а по часам: всего через четыре дня после своего обращения генерал Сухомлинов направил новое письмо Сазонову, в котором сообщал, что действительная потребность составляет не 150, а 300 тыс. винтовок. Данное «уточнение» дошло до Малевского уже 29 декабря, однако с новой просьбой к японскому правительству решено было обратиться после получения ответа на просьбу об уступке 150 тыс. винтовок[15].

Когда японское правительство передало российским представителям в Токио о своем принципиальном согласии уступить еще одну крупную партию винтовок, доподлинно неизвестно, однако Самойлов

[13] ГАРФ. Ф. Р-6173, оп. 1, д. 11. л. 2; АМОЯ, т..3–5.28. Оукэ дайникки, октябрь 1914 г., т.II, с. 1294–1295.

[14] АВПРИ: ф. 150 (Японский стол), оп. 493, д. 1868, л. 97.

[15] АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 1868. л. 98–106; АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 1869, л. 3–5.

сообщал об этом в своей шифрованной телеграмме от 14 января, передавая, что военное ведомство готово продать России 100 тыс. винтовок после их ремонта, а также 30 млн. патронов. В тот же день русский посол вновь посетил резиденцию японского министра иностранных дел и попросил японское правительство уступить России из своих запасов военного времени до 300 тыс. винтовок. В ответ на это Като заявил, что «как он лично, так и председатель Совета министров и маршал Ямагата приложили немало усилий, чтобы убедить военного министра отпустить из нового запаса некоторое их количество, но встретили со стороны генерала Ока отказ, основанный на постановлении закона государственной обороны»[16].

Что касается 100 тыс. винтовок, на уступку которых военное ведомство дало свое согласие, то заведомо предполагалось, что они будут хуже уступленных ранее. В своем докладе от 22 января генерал Гермониус прямо говорил о них, как о винтовках «весьма сомнительного достоинства»[17]. Однако выбирать не приходилось. После получения соответствующей инструкции из ГАУ 28 января 1915 г. генерал Гермониус подписал с представителями «Тайхэй кумиай» новый контракт на поставку 85 тыс. винтовок и 15 тыс. карабинов образца 1897 г., а также 22 млн. 600 тыс. различных патронов на общую сумму в 2 млн. 612 тыс. иен. Кроме того, в соответствии со своим обещанием, японское правительство согласилось уступить России 10 млн. остроконечных патронов нового образца 1905 г., контракт на поставку которых был подписан 3 февраля. В качестве срока поставки винтовок и патронов по первому контракту была определена середина апреля 1915 г.[18] «Уступка» данной партии винтовок была осуществлена тем же образом, что и передача ранее 200 тыс. ружей. Ружья старых образцов после снятия японских клеймо и легкого ремонта передавались российским представителям как вновь изготовленные, а деньги, уплачиваемые российской стороной, шли на оплату заказа арсеналам на изготовление винтовок нового образца в том же самом количестве. Этот трюк позволял японскому военному министерству избежать вынесения данного вопроса на обсуждение правительства и быстро и просто осуществить модернизацию своей армии. Сделки относительно поставки 100 тыс. винтовок Арисака и 32,6 млн. патронов были последними крупными контрактами, заключенными генералом Гермониусом, отбывшим 1 марта в Россию.

Что же касается просьбы России об уступке 300 тыс. винтовок, впервые озвученной Малевским при встрече с Като при их встрече 14

[16] РГВИА: Ф. 2000 (ГУГШ), оп. 1, д. 4454. л. 10; НГБ. 1915 г. , кн. III, т. II, с. 992; АВПРИ, ф. 133, оп. 47, л. 2.

[17] АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 1869. л. 17 об.

[18] ГАРФ. Р-6173, оп. 1, д. 11. л. 4, 74; АВПРИ. ф. 133, оп. 470, д. 82, л. 9.

января, то эти винтовки стали своего рода разменной монетой во время начавшихся 18 января с подачи так называемого «21 требования» японо-китайских переговоров. Японская сторона предусмотрительно тянула с уступкой ружей, желая заручиться российской политической поддержкой во время переговоров. Можно сказать, что винтовки были предназначены в качестве «пряника» России за лояльное отношение к японской экспансионистской политике в Китае. 4 марта во время ужина в японском посольстве Сазонов вновь передал японскому послу Мотоно пожелание о приобретении 300 тыс. винтовок и просил его сообщить об этом в Токио. Причем, на этот раз российская сторона в обмен на немедленную уступку уже готова была «взаимообразно» оплатить последующий заказ японского правительства арсеналам для производства такого же количества ружей и произвести сопутствующие этому «разного рода накладные расходы»[19]. Таким образом, тактика переговоров и варианты возможного взаимодействия все более усложнялись, однако уступки оружия в самый разгар японо-китайских переговоров не входили в планы японского правительства, предпочитавшего иметь при себе постоянный, но веский инструмент воздействия на позицию России. Уже 8 марта Малевский сообщал, что «неоднократные обращения к маршалу Ямагате, который много содействовал получению нами предметов вооружения от японского ведомства выяснили, что уступка нам ружей задерживается не только техническими соображениями, *но и политическими, в связи с нынешними переговорами в Пекине и предстоящими через две недели выборами в парламент. До окончания Пекинских переговоров и выяснения результатов выборов трудно рассчитывать на изменение взглядов японского военного ведомства, которое, видимо, опасается, что оппозиция вновь поставит в вину правительству его готовность делиться с союзниками предметами вооружения*»[20].

Позиция японской стороны действительно смягчилась лишь после завершения японо-китайских переговоров и принятия Китаем японского ультиматума. 10 мая 1915 г. военный представитель Японии в Ставке Верховного Главнокомандующего генерал-майор Накадзима Масатакэ (1870–1931), прибывший в Россию в начале марта на смену генерал-майору Оба Дзиро (1864–1935), открыто заявил начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего Н. Н. Янушкевичу (1868–1918), что «теперь Япония всецело к услугам России». Несомненно, это было выражением благодарности японских военных по отношению к России, оказавшей молчаливую поддержку Японии во время японо-китайских переговоров. Есть основания предполагать, что данная инициатива генерала Накадзима также была осуществлена с ведома негласного главы японского Генерального Штаба маршала Ямагата. 14 мая генерал Накадзима прибыл из Ставки в Петроград, чтобы передать в японское военное ведомство личную просьбу Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича (1856–1929) об уступке необходимых русской армии боеприпасов и винтовок. Таким образом, Ямагата и его верным приближенным удалось задействовать механизм «дворцовой дипломатии». Обращение от имени великого князя должно было иметь успех, ибо связи между императорскими домами были вне компетенции японского правительства, и Ямагата имел возможность непосредственно обратиться к императору и просить одобрения своей инициативы на правах его старшего советника[21].

20 мая во дворце состоялось совещание пяти фельдмаршалов и военного министра, на котором было решено немедленно выдать России из неприкосновенного запаса японской армии 100 тыс. винтовок с патронами. Решение это было одобрено императором и тотчас же передано послу Малевскому. 25 мая Малевского посетил представитель синдиката «Тайхэй кумиай» Никата, передавший послу, что отпускаемые России 100 тыс. винтовок по цене 40 иен за ружье и 20 млн. патронов будет проданы российскому правительству через данную фирму и могут быть отправлены партиями в течение месяца. Приказ о выдаче винтовок и патронов вышел накануне 24 мая. Одновременно с получением положительных известий для российских представителей Малевский ходатайствовал о «пожаловании лицам, непосредственно участвующим в этом деле соответственных наград». К числу таких лиц были отнесены товарищ военного министра Осима, помощник начальника Генерального Штаба генерал Акаси Мотодзиро (1864–1919), начальник Разведывательного (Иностранного) отдела Главного Штаба генерал Фукуда Хикосукэ (1875–1959), генерал-майор Танака Гиити (1864–1929) и адъютант военного министра подполковник Нагао Цунэкити (1875–1953)[22]. Все перечисленные лица входили в когорту фельдмаршала Ямагата.

Следует отметить, что уступка оружия из мобилизационного запаса представляла собой беспрецедентный случай как в истории японского военного ведомства, так и, пожалуй, в истории российско-японских отношений. Примерно через неделю после передачи официального ответа российской стороне Като телеграфировал послу в Лондоне Иноуэ, что выдача России «*100 тыс. винтовок из неприкосновенного запаса японской*

---

19 АВПРИ. Ф. 133, оп. 470, д. 82. л. 46; АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 1869. л. 69; АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 1868.. л. 106.

20 АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 1869. л. 64.

21 АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 1869, л. 125; НГБ. 1915 г., кн. 3, т. 2, с. 1003-1004. О «дворцовой» дипломатии фельдмаршала Ямагата. См.: *Барышев Э. А.* Роль князя Ямагата в подготовке русско-японского союза 1916 г.: За кулисами визита великого князя Георгия Михайловича в Японию. – Япония 2007, ежегодник, М., АИРО–XXI, 2007, с. 249–165.

22 АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 1869, л. 135, 141; АВПРИ, ф.133, оп. 470, д. 82, л. 104, 108, 110.

армии отнюдь не должна быть рассматриваема как выполнение какого-либо заказа; выдача эта состоялась по мотивам политического свойства в виде исключения и никаких больше винтовок из своих запасов Япония не может выдать ни России, ни Англии, ни другому иностранному государству ранее пополнения собственных потребностей японской армии, то есть не прежде, как года через два»[23].

12 июня Като официально сообщил Малевскому о том, что японское правительство готово уступить России из своих военных запасов 100 тыс. винтовок нового образца с 20 млн. патронов к ним. Это был окончательный ответ японского правительства на запрос, переданный российским послом 14 января 1915 г. об уступке 300 тыс. винтовок. Учитывая то обстоятельство, что российский военный министр обратился с данной просьбой в МИД еще 27 декабря, а передача винтовок и боеприпасов завершилась уже к середине июля, можно сказать, что на удовлетворение этой просьбы потребовалось более шести с половиной месяцев[24].

* * *

Уже в конце мая, сразу после получения известия о том, что японское военное ведомство согласилось уступить из своих резервов 100 тыс. новых винтовок, российская сторона вновь обратилась к японскому правительству с просьбой уступить ей дополнительно 200 тыс. винтовок и 300 млн. патронов. Японское военное министерство отказалось от немедленной выдачи винтовок из своих запасов, однако выразило готовность изготовить некоторое количество ружей и патронов на своих арсеналах, ставя условием принятия такого заказа предоставление российской стороной некоторых необходимых материалов, таких как цинк, никель, олово, пружинная и инструментальная сталь. В середине июля японское военное ведомство принципиально согласилось приступить после выполнения текущих контрактов к изготовлению патронов для российского правительства и уступить в первые шесть месяцев после получения необходимого сырья 25 млн., а в последующие шесть месяцев еще 37 млн. патронов. Кроме того, было предложено изготовить с декабря 1915 г. и в течение следующего года примерно 130 тыс. винтовок[25].

К началу августа между военными ведомствами двух стран была достигнута договоренность об уступке Японией очередной партии стрелкового оружия, однако в условиях все ухудшающегося положения на рус-

[23] АВПРИ, ф.133, оп. 470, д. 82, л. 115.

[24] НГБ, 1915 г., кн. 3, т. 2, с. 1020; АВПЯ, 5.1.5.17–7. Хомпо ни ойтэ каккоку хэйки дзюхин сонота тётацу канкэй дзаккэн: Рококу но бу (О закупках в Японии различными державами оружия, боеприпасов и других товаров: Россия), т. I., с. 334–336, 339; АВПРИ, ф.133, оп. 470, д. 82, л. 131.

[25] НГБ. 1915 г., кн. 3, т. 2, с. 1014–1015, 1027–1029; АВПЯ, № 5.1.5.17–7. Хомпо ни ойтэ каккоку хэйки дзюхин сонота тётацу канкэй дзаккэн: Рококу но бу (О закупках в Японии различными державами оружия, боеприпасов и других товаров: Россия), т. II, с. 505–510.

ском фронте нужда в винтовках и патронах все более возрастала. 11 августа Сазонов вызвал японского посла к себе в министерство, сообщил о крайне тяжелом и опасном положении на Северо-Западном фронте и, подчеркнув, что в настоящих условиях никто не может помочь России, кроме Японии, заявил о желании получить от японского правительства дополнительно 1 млн. винтовок с соответствующим запасом патронов. Сазонов сообщил при этом о состоявшемся накануне заседании Совета обороны, на котором было принято принципиальное решение пойти на возможные уступки по отношению к Японии в случае удовлетворения данной просьбы. Обращает на себя внимание комментарий, приложенный Мотоно к своему докладу о беседе с российским министром: «*Сегодняшняя просьба России – есть результат согласований между союзными державами. Если Япония не откликнется на эту просьбу и одна из союзных держав потерпит поражение, часть прав, приобретенных японцами в Китае, обратится в прах. С другой стороны, убежден, что, если союзники достигнут победы, несмотря на отсутствие помощи с нашей стороны, голос Японии во время мирных переговоров заметно ослабнет. Если же японское правительство посчитает, что в настоящих условиях угрозы миру на Дальнем Востоке не существует и пойдет на предоставление России части своего оружия из своих оборонных запасов, я уверен, что имеется возможность разрешить вопрос железной дороги от Сунгари до Чаньчуня. Слова российского министра иностранных дел о том, что Россия готова на известную компенсацию, по всей видимости, нужно понимать именно таким образом*»[26].

19 августа английский, французский и российский послы обратились к премьер-министру Окума с просьбой помочь России с предоставлением необходимых видов оружия и боеприпасов. Тем не менее, несмотря на столь мощное сопровождение просьбы русского правительства, правительство Японии не могло и, по-видимому, не желало менять на ходу только что согласованные между ведомствами двух стран условия поставок оружия. 19 августа граф Окума направил послу Мотоно сообщение с указанием передать российскому правительству, что предоставить оружие сверх обещанных в годичный или полуторагодичный срок 150 тыс. ружей и 100 млн. патронов к ним, а также 50 тыс. исправленных винтовок старого образца оно не может. Посол Малевский и послы дружественных держав прилагали усилия к тому, чтобы добиться большего, однако на этот раз японские военные не решились поставить вопрос снабжения России оружием на политическую почву, как это было сделано во время японо-китайских переговоров[27].

[26] НГБ. 1915 г., кн. 3, т. II, с. 1039-1040.

[27] НГБ. 1915 г., кн. 3, т. II, с. 1058–1059, 1069–1070, 1072; Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств, 1878–1917 гг.

В конечном счете, осенью 1915 г. были заключены несколько крупных контрактов на поставку винтовок и патронов. Во-первых, в начале сентября генералом Самойловым был заключен контракт № 578 на поставку с ноября 1915 по декабрь 1916 г. 150 тыс. винтовок Арисака 1905 г. и 84 млн. патронов к ним. Сумма контракта могла достигнуть 10,5 млн. иен. По-видимому, японское военное ведомство решило воспользоваться предоставившейся возможностью, чтобы осуществить программу по расширению своих арсеналов. Кроме того, примерно в середине сентября японское военное министерство согласилось дополнительно уступить России до начала следующего года 40 тыс. пехотных винтовок, 10 тыс. кавалерийских карабинов (и те, и другие образца 1897 г.) и 1 млн. 411 тыс. патронов к ним[28].

Общее количество винтовок, закупленное российским правительством при посредстве японского военного ведомства к октябрю 1915 г., составило 635 тыс. 400 шт., т. е. почти в точности соответствует расчетам генерала А. А. Маниковского. Тем не менее, существовали сделки, оставшиеся вне поля зрения как российских, так и японских военных исследователей. К числу таковых следует отнести контракты, заключенные по линии военно-морского ведомства, также вносившего посильный вклад в дело снабжения русской армии оружием. Еще в конце апреля 1915 г. морским агентом Воскресенским был заключен с морским министерством Японии контракт на поставку 4 млн. патронов к винтовкам Арисака образца 1897 г. на сумму 161 тыс. 480 иен. Затем, в середине августа 1915 г. Воскресенский подписал еще один контракт на поставку России из запасов японского военно-морского ведомства 37 тыс. винтовок старого образца и 10 млн. патронов. Винтовки и патроны должны были быть переданы России до конца марта 1916 г. небольшими партиями по 3–5 тыс. ружей и 1 млн. патронов в месяц, начиная с августа 1915 г. Общая сумма сделки составила около 1 млн. 910 тыс. иен[29].

Разумеется, что закупленные в Японии в первый год войны винтовки не могли удовлетворить все нужды русской армии, однако они все же предоставили русским войскам некоторую передышку. Любая боеспособная винтовка была тогда в прямом смысле на вес золота, и по этой причине японские винтовки Арисака оказались вкрапленными почти по все части фронта. Следует отметить, что других поставок ружей из-за границы до осени 1915 г. не было, а приблизительные расчеты показывают, что примерно каждая десятая винтовка на русском фронте к тому времени была японской. Первоначально японские винтовки направлялись преимущественно на вооружение ополченческих бригад,

(далее – МОЭИ). Серия III, т. VIII, ч. 2, М., Государственное социально-экономическое издательство, 1935, с. 100 (прим. 1), 142.

28 АВПРИ, ф. 133, оп. 470, д. 82, л. 185, 235.

29 Тайсё сэнъэки сэндзи сёруй (Документы по военным конфликтам эпохи Тайсё), т. 109. Хэйки дзёто 4-домэ. Рококу сэйфу ни тайсуру бун (Уступки оружия, ч. 4. Оружие, уступленное российскому правительству). – АМОЯ, Т3–106.563, с. 47–55, 94–129.

этапных батальонов и других второстепенных частей фронта, однако в конце 1915 г. российское военное командование приняло решение сосредоточить японские винтовки на Северном фронте, предполагая организовать для них постоянное снабжение патронами и ремонт «пострадавших» винтовок. Наравне с «трехлинейками» и австрийскими трофейными винтовками Манлихера было решено использовать японские винтовки Арисака на передовой линии фронта[30].

Необходимо отметить, что Англия, чрезвычайно напуганная чередой тяжелых поражений русской армии летом 1915 г., приведших к оставлению Варшавы, попыталась помочь России как путем оказания некоторого давления на Японию, так и своими собственными средствами. Так, к ноябрю 1915 г. Англия согласилась передать России не только заказанные ею в Японии 17 млн. «неснаряженных» винтовочных патронов, но и все имеющееся у нее в наличии японское стрелковое оружие, приобретенное Англией и Францией с начала войны: 128 тыс. 141 ружье и 68 млн. патронов. 60 тыс. японских винтовок были переправлены в Россию из Англии в конце 1915 г., а остальные – в начале 1916 г. Кроме этого, России удалось добиться согласия английского правительства на производство и поставку патронов к японским винтовкам, начиная с марта 1916 г. Благодаря принятым мерам, к весне 1916 г. 6-ая и 12-ая армии Северного фронта были целиком переведены на японскую винтовку Арисака[31].

В условиях срыва военных поставок из Америки и Англии Россия попыталась упрочить отношения с дальневосточной соседкой. Японский визит великого князя Георгия Михайловича в январе 1916 г., казалось бы, создал необходимый для этого фундамент, однако поток действительно военной помощи из Японии – особенно в рамках всех заграничных поставок – все редел. Японские военные потеряли веру в русское оружие, и «кредит» России в глазах японцев все более падал. Как указывалось выше, еще в августе 1915 г. российское правительство приняло принципиальное решение о возможности уступки южного участка КВЖД Японии в обмен на крупную партию винтовок, однако японская сторона не отреагировала на него должным образом. Во время дипломатических переговоров о заключении нового политического соглашения японская сторона предложила за участок железной дороги от Харбина до Чаньчуня от 100 тыс. до 150 тыс. винтовок, однако к этому времени вопрос обеспечения русской армии винтовками был в основном решен, и такой обмен выглядел для России малопривлекательным[32].

30 *Федоров В. Г.* Оружейное дело на грани двух эпох, с. 19, 21, 26, 51, 72, 74; *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну, с. 204–205, 213, 291–292; *Барсуков Е. З.* Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.), т. I, с. 359; т. II, с. 278, 286–287, 293, 299–300.

31 *Залюбовский А. П.* Русской армии в Великую войну винтовками, пулеметами, револьверами и патронами к ним, с. 105–107; *Федоров В. Г.* Оружейное дело на грани двух эпох, с. 61–63.

32 МОЭИ. Серия III, т. X, с. 205, 223, 567–570; АВПРИ, т. 134 (Архив «Война»), оп. 473, д. 152., л. 31; *В. Г. Федоров* Оружейное дело на грани двух эпох, с. 74, 85–86.

Еще в декабре 1915 г. японское военное ведомство предложило уступить России небольшую партию в 6 тыс. старых пехотных винтовок и 500 кавалерийских карабинов образца 1897 г. Нет сомнения, что российское военное ведомство отнеслось к данному предложению без особого интереса. После визита великого князя российское правительство планировало приобрести в Японии дополнительно 200 тыс. винтовок с 300 млн. патронов, однако финансовые трудности помешали реализации плана. Вместо этого в апреле-мае 1916 г. Япония согласилась уступить России к февралю 1917 г. 30 тыс. винтовок Арисака образца 1905 г., 8,1 млн. патронов образца 1905 г., передав их к июлю 1916 г. и 680 тыс. патронов образца 1897 г. – в течение 1916 г. В силу неизвестных обстоятельств указанные сделки – 36,5 тыс. винтовок и 8,78 млн. патронов – также не были учтены генералом Маниковским и его последователями в своих трудах. В японских же документах они указаны как проданные военным министерством российскому правительству. По японским данным, старые винтовки Арисака числом в 6,5 тыс. стволов были переданы России уже к середине мая 1916 г.[33]

Таким образом, усилившиеся с осени 1915 г. надежды на масштабную помощь Японии в обеспечении русской армии винтовками и патронами не оправдались, и российское военное командование вынуждено было заказывать необходимые боеприпасы в Англии. Вследствие этого, с весны 1916 г. до октября 1917 г. в Англии было приобретено около 490 млн. патронов к японским винтовкам. Насколько хорошо в заключительный период войны было поставлено снабжение японских винтовок патронами, говорит то обстоятельство, что первый отечественный автомат В. Г. Федорова был сконструирован под японский патрон[34].

* * *

Как указывалось выше, японские поставки оружия были вызваны первоначально желанием японских крупнейших внешнеторговых компаний получить суммы в иностранной валюте в Лондоне. В известной мере благодаря случайному совпадению интересов синдиката «Тайхэй кумиай» и военного ведомства осенью 1914 – зимой 1915 г. японская сторона уступила России 35,4 тыс. «мексиканских» ружей, 300 тыс. винтовок старого образца и небольшое количество патронов. Благодаря этому экономические круги Японии поправили свое финансовое положение, а военное ведомство сумело оснастить армию новым оружием. Япония практически завершила свои военные действия к началу ноября 1914 г. после взятия Циндао, однако начавшиеся японо-китайские переговоры вновь поставили вопрос о судьбе дальнейших российско-японских отношений на Дальнем Востоке. Пытаясь заручиться будущей поддержкой России, руководство Японии пошло на уступку, предоставив из своих военных запасов еще 100 тыс. новых винтовок и некоторого числа патронов.

К маю 1915 г. военные и политические задачи Японии на Дальнем Востоке были почти решены, поэтому курс политического руководства страны по отношению к России претерпел немалые изменения. Теперь вопрос вставал уже не просто о дальнейшем взаимодействии двух стран на Дальнем Востоке, а о месте Японии в послевоенном мире. По мнению посла Мотоно, поддержка России как «слабого звена» Антанты была необходимым условием того, что Япония сможет укрепить свое влияние среди великих держав на предстоявшей мирной конференции. «Государственные старейшины» во главе с князем Ямагата также считали, что сближение с Россией во время войны будет способствовать усилению Японии в международной политике. В этих условиях осенью 1915 и весной 1916 г. японское правительство согласилось дополнительно уступить России 93,5 тыс. винтовок старого образца из запасов военного и морского ведомства, а также произвести на своих военных заводах 180 тыс. винтовок новой модели.

В итоге, к моменту Февральской революции российским правительством было приобретено в Японии 708,9 тыс. винтовок и 225,78 млн. патронов. Кроме того, как говорилось выше, примерно 128 тыс. ружей и 68 млн. патронов были переданы России в конце 1915 – начале 1916 г. Англией. Из данного количества 35,4 тыс. «мексиканских» винтовок остались в Маньчжурии, а остальные (801 тыс. 641 штук) были переданы в действующую армию. Указанного выше количества винтовок было достаточно для вооружения более 50 дивизий русской армии, и они, вне всякого сомнения, способствовали укреплению русского фронта во время первой мировой войны. Что касается японских статистических данных, то они учитывают также заказы на оружие, выполненные уже в 1917 г. после известных политических потрясений. К числу таковых относится заказ на 55 млн. патронов, предположительно переданных с января по лето 1917 г., и контракт на 150 тыс. винтовок, заключенный уже в сентябре 1917 г.[35] Разумеется, что оружие и боеприпасы стали лишь «хворостом», брошенным в пламя грядущей гражданской войны. Это уже была не столько военная помощь России в ее войне с Германией,

---

33 АВПРИ, ф. 133, оп. 470, д. 82, л. 283; АВПРИ, ф. 134, оп. 473, д. 152, л. 24 об., 26–27; АМОЯ. Дзи Тайсё 3 нэн итару до 11 нэн. Каккоку-гун ни гунки кёкю ни кансуру цудзури (Подшивка материалов о поставке оружия армиям различных стран, 1914–1922 гг.), т. 3–6.39, с. 614.

34 *Залюбовский А. П.* Русской армии в Великую войну винтовками, пулеметами, револьверами и патронами к ним, с. 107; *Федоров В. Г.* Оружейное дело на грани двух эпох, с. 114–120;*Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг., ч. 1, с. 117–118.

35 АМОЯ. Дзи Тайсё 3 нэн итару до 11 нэн. Каккоку-гун ни гунки кёкю ни кансуру цудзури (Подшивка материалов о поставке оружия армиям различных стран, 1914–1922 гг.), т. 3–6.39, с. 648–682.

сколько борьба за «новую Россию», в которую включилась и Япония после Февральской революции.

В заключение можно сказать, что японская военная помощь России во время первой мировой войны объяснялась прежде всего относительной слабостью «страны Восходящего Солнца» в мировой политике, финансовыми затруднениями и амбициями ее торгово-промышленных кругов, а также желанием руководства Японии заручиться дальнейшей поддержкой России в своей дальневосточной политике. По мере «насыщения» Японии российскими военными заказами и ухудшения положения России двустороннее сотрудничество становилось все более вялым.

Роль внешних факторов в процессе реформирования государства и общества Японии

К. В. Белов

В настоящей статье анализируются место и роль внешнего фактора в процессе развития японского государства и общества. Рассматривается влияние внешних факторов на Японию в исторической перспективе, а также показывается их решающая роль в процессе трансформации страны. Иными словами, в исторической перспективе в первую очередь именно внешние силы предопределяли выбор того или иного пути развития нации.

Таким образом, целью настоящей работы является попытка на историческом материале обосновать ведущую роль феномена *гайацу* в становлении и развитии японского общества и государства в целом.

В японском языке словосочетание «*гайацу*» имеет значение «внешнее давление» и состоит из слов «*гай*» – «внешний, иностранный» и «*ацу*» – «нажим, давление». Это понятие является объектом изучения представителей различных направлений науки, от экономики до политологии.

Влияние феномена *гайацу* на вектор развития страны может быть обнаружено в любой исторический промежуток. Вместе с тем, в большинстве случаев такое влияние имело не просто важное, но решающее (при сравнении с внутренними источниками давления) значение: практически все системные реформы и структурные изменения, происходившие когда-либо в Японии, в той или иной степени реализовывались под влиянием фактора иностранного давления, участия «извне».

Феномен внешнего давления принято понимать в качестве одной из наиболее характерных черт национальной культуры японцев, часто сводимой к зависимости внутреннего развития Японии от влияния на страну независящих от нее обстоятельств. Однако в данном случае мы отходим от рассмотрения *гайацу* в качестве подобной «уникальной» черты развития Японии [1]. Согласно нашей концепции, случаи влияния факторов внешнего давления на внутрияпонские общественно-политические процессы различного характера имеют рациональную основу и поэтому должны рассматриваться как проявления осознанного курса элит, контролирующих меры воздействия внешнего влияния на общество и государство.

---

[1] Например, см. попытку отследить связь между структурой политической культуры современного японского общества и воздействием на него *гайацу*: *Katzenstein P. J.* Cultural Norms and National Security: Police and Military in Postwar Japan. Ithaca: Cornell University Press, 1996, p. 37–38.